

АДАПТАЦИЯ

НАСЛЕДИЕ

КНИГА ВТОРАЯ: ДОРОГА НА ЮГ

АВТОР: ЕВГЕНИЙ КОРОЛЁВ

Евгений Королев

**Адаптация. Наследие. Книга
вторая: Дорога на ЮГ**

«Автор»

2026

Королев Е. В.

Адаптация. Наследие. Книга вторая: Дорога на ЮГ /
Е. В. Королев — «Автор», 2026

Портал из нью-йоркской подземки в московское метро должен был стать спасением, но оказался лишь перевалочным пунктом в новом кошмаре. Джон Кинг выжил в хаосе «Пробуждения Маяка», но теперь правила игры изменились: мир на поверхности скован аномальным, смертоносным холодом. Укрываться под землей больше нельзя. Среди замерзших индустриальных пустошей и заснеженных лесов властвуют новые хозяева — кошмарный Рой, коварный Ткач и твари, чьи щупальца способны пробить броню словно копья. С верным автоматом в руках Джону предстоит пробиваться через ледяной ад. Теперь он борется не только за свою жизнь: на его пути оказывается маленькая девочка, которой больше не на кого рассчитывать в этом мертвом мире. Где-то впереди, среди снежной бури и покрытых паутиной руин, пульсирует гигантская аномалия. Она резонирует с Нулевым кодом, притягивая к себе чудовищ. Джону Кингу придется выяснить, что это — новый портал, смертельная ловушка или их единственный шанс на выживание.

© Королев Е. В., 2026

© Автор, 2026

Евгений Королев

Адаптация. Наследие. Книга вторая: Дорога на ЮГ

Глава 1: Ржавчина и надежда

Часть 1: Прыжки в луже

Возвращение от дымящихся руин Кольской сверхглубокой заняло у нас несколько часов тяжелого хода по промерзшей, безжизненной тундре. Мы брели молча, оглушенные пережитым, пока впереди, в серой арктической мгле, не показался знакомый участок разбитой трассы. Именно здесь, прямо посреди асфальта, чернела та самая ртутная воронка портала, через которую мы надеялись перебросить себя обратно за океан, прямо на улицы Нью-Йорка.

Я сделал глубокий вдох, сжал кулаки, ожидая привычного запаха озона и пронизывающего холода перехода, и решительно шагнул прямо в центр аномалии. За мной, зажмурившись как перед прыжком с парашютом, прыгнул Сэм, следом шагнули майор Буров, Рауль и наш молодой боец Коля. Мы инстинктивно сгруппировались, готовые к пространственному рывку и бою на той стороне, но... абсолютно ничего не произошло.

Мы стояли по колено в вязкой, переливающейся жиже, которая больше не пульсировала ни красным, ни лазурным светом. Она просто противно чавкала под нашими тяжелыми армейскими ботинками. Сэм растерянно подпрыгнул, громко шлепнув подошвами, потом еще раз. Мы выглядели как кучка идиотов, как малые дети, самозабвенно и бессмысленно прыгающие в грязной весенней луже после дождя. Портал был мертв. Энергия иссякла.

— Матерь Божья, да она сдохла! — звенящую тишину разорвал счастливый, почти истеричный хохот Рауля. Мексиканец с трудом вытащил ноги из слизи, выбрался на сухой асфальт и упал на колени, воздев руки к бледному небу. — Никакой Америки! Никаких полетов через этот адский блендер! Слышишь, Кинг? Мы возвращаемся к моему узику!

Мы действительно вернулись к машинам, оставленным в паре километров южнее в небольшой ложбине, скрытой от ветра. Зеленый УАЗик и массивный военный КамАЗ, груженный ящиками с патронами и огнеметами, стояли запорошенные легким снегом. Рауль подбежал к «козлику», буквально обнял его ледяное, поцарапанное крыло и ласково похлопал по капоту, словно извиняясь перед живым существом за то, что мы хотели его бросить.

Напряжение последних недель, державшее наши нервы натянутыми до предела, внезапно отступило. Мы разбили лагерь прямо на обочине между двух машин, растянув над головами кусок брезента от пронизывающего полярного ветра. Коля, проворный и хозяйственный, быстро соорудил костер из пустых деревянных ящиков из-под патронов. Огонь весело затрепещал, отбрасывая теплые, по-настоящему живые блики на наши уставшие, измазанные сажей и запекшейся кровью лица.

Буров молча достал из кабины грузовика старую, потертую на сгибах бумажную карту автодорог России и бережно разложил ее на прогревающемся капоте УАЗика. Майор оперся тяжелыми руками о крылья машины и долго смотрел на сложную паутину красных и синих линий. Впервые за долгое время в его взгляде читалась не обреченность, а холодный, стратегический расчет.

— Значит так, орлы, — хрипло начал майор, обводя нас взглядом. — Порталы обнулились, легкого пути не будет. До Москвы по трассе «Кола» — без малого две тысячи километров. Маршрут: Мурманск, Мончегорск, Петрозаводск, Питер пройдем по объездной, потом Тверь и, наконец, столица. В нормальное время это два дня пути. Сейчас — это две тысячи километров через чистый ад.

— Мы не просто поедem, майор, — твердо сказал я, глядя на расстеленную карту. — Мы превратим этот КамАЗ и УАЗ в ядро будущего бронепоезда. Будем заходить в города на трассе. Мончегорск, Медвежьегорск, Лодейное Поле. Там остались живые люди, женщины, дети, которые прячутся по подвалам. Мы заберем всех, кого сможем, найдем припасы, топливо, запчасти. Соберем мощный караван. Если мир катится в бездну, мы проедem по ней на гусеницах и с огнеметами.

Буров криво, но искренне усмехнулся и кивнул. В этот момент Коля с заговорщицким видом вынырнул из глубины кузова КамАЗа, держа в руках пузатую стеклянную бутылку с мутной жидкостью. — Трофейная, товарищ майор! Настоящий самогон! Нашел под сиденьем у водилы грузовика, царство ему небесное, хороший был мужик, запасливый.

Мы пустили тяжелую бутылку по кругу. Жесткая жидкость обожгла горло жидким пламенем, вышибая слезу, но мгновенно разлилась по телу спасительным, успокаивающим теплом. Я выдохнул, утирая губы тыльной стороной ладони, и передал тару майору. — Слушай... мы прошли через такую мясорубку, спускались в скважину, а я до сих пор не знаю твоего имени. Только звание и фамилия. Как тебя зовут, майор?

Буров сделал солидный глоток, занюхал суровым сукном рукава бушлата и посмотрел на меня как-то по-новому, без привычного командирского льда в глазах. — Виктор, — просто ответил он. — Виктор Николаевич. А парня нашего, — он кивнул на смутившегося, раскрасневшегося солдата, — Колькой кличут. Сэм, Рауль, Джон, Виктор и Николай. Нас пятеро против целого мира, который сошел с ума. Отличный, я считаю, расклад.

Внезапно из темноты кузова раздался тихий, неуверенный звон металлических струн. Сэм, рывшийся в вещах экипажа грузовика в поисках сухпайков, спустился к костру, держа в руках старую, потертую акустическую гитару с выцветшей наклейкой ВДВ на деревянной деке. Бывший морпех уселся на пустую канистру и привычным, профессиональным жестом подстроил колок.

Пальцы американца пробежались по струнам, и над замерзшей карельской трассой поплыла тихая, щемящая мелодия кантри, которая странным образом идеально легла на суровый русский мороз. Коля подкинул дров, Рауль тихо отбивал ритм по колену, а Виктор молча курил свою папиросу, не отрывая взгляда от танцующего пламени.

В этот краткий миг весь глобальный кошмар, багровая Завеса, жуткие адаптанты и разрушенные до основания города просто перестали существовать. Небо над нами, казалось, очистилось. Пятеро совершенно разных мужчин сидели у костра на краю выжженного света, слушали гитару и улыбались. Нам предстояло пройти две тысячи километров, отбивать выживших у монстров и строить свой караван возмездия, но именно сейчас, этой ночью, мы просто дышали и знали, что мы — живы.

Часть 2: Холодный старт и первые километры

Последний аккорд старенькой гитары растаял в морозном воздухе, уступив место бесконечной арктической тишине. Сэм аккуратно, словно величайшую драгоценность, положил инструмент в чехол. Тяжелая стеклянная бутылка с мутным самогомом опустела, оставив после себя лишь тепло в желудке и странное чувство спокойствия, которого мы не испытывали с самого Нью-Йорка. Мы сидели еще минут двадцать, глядя, как догорают ящики, превращаясь в пульсирующие рубиновые угли. Никто не хотел разрушать этот хрупкий момент нормальности.

— Отбой, парни, — наконец прервал тишину Виктор, тяжело поднимаясь с канистры и разминая затекшую спину. — Дежурим по два часа. Первый — Сэм, затем Коля, Рауль, я замыкаю. Кинг, тебе нужен сон больше, чем кому-либо из нас, твои батарейки выжжены дотла. В машины. Завтра нам понадобятся все силы.

Сон в промерзших кабинах был тяжелым и рваным. Я свернулся клубком на жестком заднем сиденье УАЗика, натянув на себя пару колючих армейских одеял, пахнувших плесенью и оружейной смазкой. Сквозь заиндевевшие стекла пробивался тусклый свет полярной луны,

окрашенный Завесой в болезненный багровый оттенок. В моих венах больше не было того пугающего лазурного огня, но на самом дне сознания я все еще чувствовал слабое, едва уловимое эхо — словно выключенный радиоприемник продолжал ловить статические помехи. Я провалился в тяжелую дремоту, в которой мне снились бесконечные, пустые дороги и лязг ржавого металла.

Утро ударило по нам безжалостным арктическим холодом. Небо над трассой «Кола» налилось цветом запекшейся крови и свинца. Виктор растолкал нас еще до рассвета. Наши дыхания вырывались изо рта густыми клубами белого пара, мгновенно оседая инеем на воротниках бушлатов. Коля лихорадочно разогревал на портативной горелке ледяные банки с тушенкой, а мы занялись подготовкой техники к марш-броску.

Рауль крутился вокруг своего обожаемого «козлика» с инструментами, словно заправский механик в боксах перед тяжелой гонкой. Он проверил топливные магистрали, прислушался к работе старенького дизеля, который неохотно, с тяжелым металлическим лязгом просыпался на морозе. Мексиканец задумчиво пинал колеса, прикидывая нагрузку на подвеску. — Как только доберемся до нормальных гаражей, я переварю ему всю раму, — бормотал Рауль, вытирая руки промасленной ветошью. — Усилим лонжероны, наварим листы рессор. Нам нужна броня на морду и борта, правильная развесовка, чтобы тяжесть металла не убила динамику. Этот малыш должен прошибать любую биомассу, как таран.

КамАЗ Виктора, выплюнув густое облако черного, едкого дыма, наконец-то поймал ровный ритм работы своих могучих цилиндров. Могучая машина дрожала от нетерпения, словно застоявшийся боевой слон. Мы распределили боекомплект: пару тубусов огнеметов «Шмель» закинули в багажник УАЗика, чтобы они были под рукой в любую секунду, остальной арсенал надежно закрепили в кузове грузовика.

Мы тронулись. КамАЗ шел первым, пробивая своими массивными колесами переметы колючего снега на разбитом асфальте. Рауль держал УАЗик строго в колее старшего брата, соблюдая дистанцию в тридцать метров. Сэм сидел на пассажирском сиденье рядом со мной, опустив боковое стекло ровно настолько, чтобы в щель пролезал ствол автомата. Я устроился сзади, не отрывая взгляда от серых обочин.

Трасса Р-21 «Кола» представляла собой жуткий, вымерший памятник паники первых дней катастрофы. Каждые несколько сотен метров нам приходилось сбрасывать скорость, оглябая брошенные в спешке автомобили. Гражданские легковушки, микроавтобусы, покореженные фуры стояли в неестественных позах, слетев в кюветы или врезавшись друг в друга.

Двери многих машин были распахнуты настежь, как сломанные крылья. Вокруг валялись вмерзшие в лед чемоданы, разорванные пакеты с одеждой и детские игрушки, припорошенные снегом. В некоторых салонах мы видели темные, сгорбленные силуэты — люди, замерзшие насмерть или застигнутые врасплох тем, что выползло из тумана. Мы проезжали мимо них молча, стиснув зубы от бессильной злобы. Каждая брошенная машина была чьей-то оборванной жизнью.

Ландшафт вокруг давил своей чужеродностью. Низкие, скрюченные карельские сосны по обочинам были покрыты не обычным инеем, а тонким слоем серой, липкой паутины Роя. Она свисала с ветвей грязными лохмотьями, чуть подрагивая на ветру, словно живая. Фиолетовая дымка Завесы ползла по низинам, искажая перспективу и превращая каждый поворот в потенциальную ловушку.

На пятьдесят седьмом километре нашего пути мы встретили первое серьезное препятствие. Огромный бензовоз развернуло поперек дороги, наглухо перекрыв обе полосы. Но пугало не это. Вся цистерна и кабина тягача были густо опутаны плотными, пульсирующими жилами биомассы. Из-под колес грузовика расползлось маслянистое серое пятно органики, ввевшееся прямо в асфальт.

Виктор резко ударил по тормозам, КамАЗ клюнул носом, останавливаясь в десятке метров от преграды. Рауль мгновенно вывернул руль, ставя УАЗик под углом, чтобы перекрыть возможный сектор обстрела с фланга. Мы выскочили из машин, беря бензовоз на прицел. Тишина была такой плотной, что в ушах звенело.

— Это инкубатор, — тихо процедил Сэм, не отрывая глаз от коллиматорного прицела. — Смотрите на кабину. Сквозь мутное, затянутое слизью лобовое стекло мы увидели, как внутри кабины мерно раздувается и опадает огромный, полупрозрачный кокон. Внутри него что-то медленно, мучительно ворочалось, издавая влажный, хлюпающий звук. Рой перерабатывал водителя, адаптируя его под свои нужды, прямо на наших глазах.

— Жги, — сухо скомандовал Виктор по рации. Коля, стоявший в кузове КамАЗа, не колебался ни секунды. Он вскинул на плечо длинный тубус «Шмеля», прицелился и нажал на спуск. С оглушительным, яростным ревом из ствола вырвалась струя термобарического огня. Кабина бензовоза мгновенно превратилась в ослепительный шар ревающего пламени. Кокон лопнул с мерзким визгом, который мгновенно потонул в гудении огня. Биомасса вспыхнула, как сухой порох, испаряясь и оставляя после себя лишь черный, жирный пепел.

Мы поспешно объехали пылающий остов по глубокому снегу обочины, чувствуя жар даже сквозь закрытые окна. Это было лишь первое предупреждение. Трасса не была пустой. Она была оккупирована.

— До Мончегорска сорок километров, — раздался в рации спокойный голос Виктора. — Смотрите в оба. Мы не просто едем мимо, мы ищем живых. Если этот город не превратился в сплошной улей, мы начнем собирать наш караван именно там.

Дорога продолжала виться между темными сопками. Мы вглядывались в горизонт, готовые к любой опасности, чувствуя, как с каждым пройденным километром наша решимость вырвать эту землю из лап Роя становится только крепче.

Часть 3: Ткач над Мончегорском

Оставшиеся сорок километров до Мончегорска мы преодолели в гнетущем, напряженном молчании. Пейзаж за окном постепенно менялся: бесконечные карельские леса расступались, уступая место мертвой, вымороженной индустриальной пустоши. Снег здесь был уже не белым, а грязно-серым, покрытым толстым слоем токсичной пыли и черного пепла. Вскоре на горизонте, прорезая свинцовое полярное небо, показались исполинские силуэты промышленного гиганта. Материнский завод возвышался над тундрой, как спящий железный бог, окруженный частоколом исполинских труб и градирен.

Мы сбросили скорость до минимума, КамАЗ Виктора полз буквально на холостых оборотах, чтобы рев тяжелого дизеля не разносился по вымершим улицам. Рауль вел наш УАЗик след в след. Мы въехали в городскую черту. Вопреки нашим худшим опасениям, адаптанты здесь не эволюционировали и не мутировали во что-то бронированное. Вдоль занесенных снегом теплотрасс и между серых панельных пятиэтажек бродили все те же бледные, дергающиеся твари с ртутными глазами и вертикально разорванными челюстями. Они были такими же, как в Лоухи. Настоящий ужас скрывался не в них.

Ужас захватил саму архитектуру города. Рой превратил градообразующее предприятие в свой главный узел. Виктор поднял кулак из окна КамАЗа, давая команду на остановку. Мы замерли на эстакаде, с которой открывался панорамный вид на территорию материнского завода. Майор заглушил двигатель, мы тихо выбрались из машин, вооружившись биноклями. Ветер доносил до нас тяжелый запах серы, старого металла и той самой тошнотворной, сладковатой гнили, которая всегда сопровождала Завесу.

Сначала я не понял, что именно не так с гигантскими заводскими трубами. Они казались слишком толстыми, их контуры смазывались в тумане. Но когда я настроил фокус бинокля, у меня перехватило дыхание. На трубах материнского завода мы увидели Ткача.

Это был настоящий живой кошмар, ломающий все представления о биологии. Его тело представляло собой колоссальную, пульсирующую и невероятно липкую сеть, которая плотно оплетала бетон и металл. Она была похожа на паутину, но в ней не было паука — сама эта сеть и была разумным существом, единым хищным организмом. Ткач вечно находился в движении, ни на секунду не замирая. Прямо на наших глазах он сплетал новые отростки-капилляры, жадно цепляясь за шершавые поверхности остывших доменных печей, протягивая длинные, склизкие нити, которые, казалось, сами по себе рыскали в воздухе, выискивая свежую добычу.

Сэм опустил бинокль и грязно выругался сквозь зубы. Сеть Ткача переливалась в тусклом свете Завесы зловещими, нездоровыми оттенками — от гнилостно-желтого, похожего на старый гной, до глубокого, мертвого тёмно-фиолетового цвета. Она дышала. Но самым страшным был звук. Даже на нашем расстоянии мы отчетливо слышали, как Ткач охотится. Его живая паутина, сокращаясь и выбрасывая новые нити-арканы, издавала частые, ритмичные щёлкающие звуки. Это было похоже на то, как будто в гигантском котле непрерывно варится попкорн — сухой, костяной треск, от которого по спине маршем пробегали мурашки. Каждое такое «щелканье» означало, что где-то внизу, в лабиринтах цехов, сеть нащупала жертву.

Мы стояли на эстакаде, замороженные и напуганные этим монументальным проявлением инопланетной инженерии. Ткач не просто ловил людей, он превращал весь завод в огромную ловушку, контролируя каждое здание. Огнемёты против такой площади были бесполезны — нам понадобились бы тонны напалма, чтобы просто очистить одну трубу.

— Обойдем, — тихо произнес Виктор, убирая бинокль в чехол на разгрузке. — Нам на эту фабрику смерти соваться незачем. Собираемся, парни. Едем в жилые кварталы, проверим уцелевшие укрытия и двигаем дальше.

Мы уже собирались вернуться к машинам, как вдруг тишину нарушил резкий, царапающий ухо звук. Старая армейская рация на плече Коли, настроенная на сканирование аварийных частот, внезапно зашипела белым шумом. Сквозь треск статики и щелканье Ткача пробился человеческий голос. Он был слабым, прерывистым, но это определенно была русская речь.

— ...прием... кто-нибудь слышит? Это диспетчерская третьего цеха... повторяю, мы заперты в подземном бункере под третьим прокатным... у нас двадцать человек, из них восемь детей... вентиляция забита этой дрянью... мы задыхаемся... если кто-то слышит... помогите... прием...

Рация снова захлебнулась статикой. Мы замерли, переглядываясь. Диспетчерская третьего цеха. Это означало, что нам придется спуститься прямо в логово Ткача, под те самые трубы, где пульсировала желто-фиолетовая сеть.

Я посмотрел на Бурова. Лицо майора превратилось в каменную маску, челюсти плотно сжались. Он перевел взгляд с рации на завод, откуда доносился мерный, щелкающий звук охотящейся паутины, а затем посмотрел на КамАЗ, в кузове которого лежали наши огнемёты.

— Ну что, майор? — я проверил затвор своего автомата, чувствуя, как внутри просыпается старая, знакомая адреналиновая злость. — Кажется, мы только что нашли первых пассажиров для нашего каравана.

Часть 4: Сквозь рухнувшую трубу

Виктор мгновенно сорвал с плеча Коли рацию, зажимая тангенту. Лицо майора было сосредоточенным, он понимал, что каждая секунда связи на вес золота. — Диспетчерская, ответьте! Это майор Буров. Мы на эстакаде над заводом. Слышим вас. Какая у вас обстановка? Прием. Динамик зашипел, выдав порцию треска, но затем голос пробился снова, уже чуть более отчетливо. Диспетчер говорил сбивчиво, на фоне слышался плач детей и приглушенный гул вентиляторов. — Слава богу... Буров, слушайте... Мы заперты в подземном бункере ГО под третьим прокатным цехом. У нас тут настоящая крепость. Толстенные бетонные стены, гермодвери. Пищи и сухпайков на складах хватит на месяцы, воды полно, места на роту солдат.

Мы оборудовали тут отличное убежище сразу, как только небо стало фиолетовым. Но мы в ловушке.

Голос в радиии дрогнул, когда речь зашла о том, что творится наверху. — Этот... Ткач. Он появился дней десять назад. Просто напoлз откуда-то со стороны плавлен и оплел весь третий цех. Он перекрыл нам все выходы, затянул бронедвери своей дрянью, а теперь его масса забивает шахты вентиляции. Мы задыхаемся. Но слушайте внимательно, майор! — голос диспетчера сорвался на отчаянный крик. — Пробирайтесь максимально аккуратно! Ни в коем случае не касайтесь его паутины! Любое касание спровоцирует атаку. Ей плевать, живое это или нет. Брошенный камень, кусок арматуры или человек — как только вы заденете нить, вся эта масса среагирует на вибрацию и сожрет вас заживо. Прием.

Связь окончательно оборвалась, оставив нас наедине с шипением статики. Мы перевели взгляды на территорию комбината. Расстреливать эту колоссальную биомассу из автоматов было верхом идиотизма. Пули калибра 5.45 и 7.62 просто пройдут сквозь пульсирующую слизь или завязнут в ней, не причинив Ткачу никакого реального вреда. Тратить впустую драгоценные боеприпасы перед броском на Москву было не резонно. Этой инопланетной заразе нужен был старый добрый огонь.

— Делаем «коктейли Молотова», — скомандовал Виктор, разворачиваясь к КамАЗу. — Огнестрел против этой хрени бесполезен. Рауль, сливай бензин и соляру, мешай пятьдесят на пятьдесят для вязкости. Коля, тащи пустую тару. В кузове грузовика нашлась пара ящиков с пустыми водочными и пивными бутылками — эхо чьих-то прошлых, мирных посиделок. Рауль быстро соорудил из старой канистры воронку и начал разливать горючую смесь, пока мы с Сэмом рвали старые замасленные тряпки на фитили. Через десять минут у нас в арсенале было полтора десятка примитивных, но смертоносных зажигательных бомб.

— Идем втроем, — Буров рассовывал бутылки по подсумкам разгрузки. — Я, Кинг и Сэм. Коля, Рауль — вы остаетесь на подстраховке. Держите движки прогретыми. Охраняете транспорт и контролируете наш отход. Если мы не вернемся через два часа... уезжайте. Рауль серьезно кивнул, передернув затвор своего автомата. Его обычная улыбка испарилась. — Мы никуда не уедем без вас, босс. Просто не станьте кормом для этого переростка.

Мы втроем двинулись вниз по заснеженному склону, обходя центральные ворота завода, которые были наглухо затянуты гнилостно-желтой паутиной. Нам нужен был обходной путь к третьему прокатному цеху. И мы его нашли. Около одного из соседних зданий мы увидели гигантскую заводскую трубу, выложенную из огнеупорного кирпича. Вероятно, во время первых пространственных сдвигов, когда опускалась Завеса, фундамент не выдержал. Труба рухнула, переломившись у основания, и ее колоссальный многотонный ствол пробил крышу третьего цеха, образовав пологий, темный тоннель, ведущий прямо в нутро здания.

Это был наш шанс проникнуть внутрь, минуя главные скопления паутины. Мы подошли к развороченному устью рухнувшей трубы. Внутри пахло старой сажей, ржавчиной и той самой сладковатой гнилью Ткача. Мы переглянулись. Сэм достал зажигалку, щелкнул крышечкой, готовясь в любую секунду поджечь фитиль бутылки, которую держал в левой руке. Я поправил автомат на ремне и шагнул в темноту кирпичного цилиндра.

Спуск по трубе был испытанием для наших нервов. Мы шли гуськом, стараясь ступать максимально бесшумно. Подошвы скользили на пыли и льду. Чем глубже мы спускались в цех, тем отчетливее становился этот омерзительный звук. *Щелк. Щелк. Хлюп.* Звук лопающегося попкорна доносился со всех сторон. Ткач охотился.

Сквозь трещины в кирпичной кладке трубы внутрь проникал болезненный фиолетовый свет, и в этом полумраке мы увидели их. С потолка рухнувшей трубы, словно сталактиты, свисали тонкие, полупрозрачные нити живой сети. Они мерно раскачивались, переливаясь желто-фиолетовыми бликами. Нам приходилось изгибаться под немыслимыми углами, вжимаясь в

холодный кирпич, лишь бы не задеть эти сенсоры. Любое неосторожное движение плечом, любое касание стволом автомата — и эта живая масса обрушится на нас.

Чтобы проверить слова диспетчера, Буров поднял с пола небольшой кусок отколовшегося кирпича и аккуратно бросил его вперед. Камень задел тонкую, едва заметную желтую нить. Реакция была мгновенной и пугающей. Сеть над нами судорожно дернулась. С мокрым, хлестким звуком от основного массива Ткача отделились три толстых пульсирующих отростка. Они с невероятной скоростью обвилились вокруг упавшего кирпича, сдавили его и облили едкой, шипящей кислотой, растворяя камень в серую пену за пару секунд.

Холодный пот покатился по моей спине под бушлатом. Диспетчер был прав. Этому монстру не нужны были тепловизоры или глаза — он чувствовал малейшую вибрацию своей паутины. Затаив дыхание, переступая через нависающие волокна смерти, мы наконец добрались до конца кирпичного тоннеля и спрыгнули на ржавый металлический балкон внутри третьего цеха. Прямо под нами, на первом этаже, находились гермодвери бункера. Но путь к ним преграждал сплошной, пульсирующий ковер из переливающихся нитей, в котором замерли десятки бледных фигур адаптантов, охраняющих логово. Настало время огня.

Часть 5: Шаг в бездну и истерика на троих

Мы стояли на ржавом решетчатом балконе, нависающем над первым этажом третьего прокатного цеха. Внизу расстилалось настоящее море пульсирующей, гнилостно-желтой плоти Ткача. В мутном фиолетовом полумраке, пробивающемся сквозь разбитую крышу, мы видели контуры массивных гермодверей бункера. До них было не больше сорока метров по прямой, но каждый дюйм этого пространства был заминирован живыми нитями. Сэм перехватил автомат удобнее, я сжал в руке приготовленный «коктейль Молотова», чувствуя сквозь перчатку холодное стекло. Виктор Буров, шедший первым, жестом приказал нам спускаться по покореженной металлической лестнице.

Мы двигались медленнее, чем тени. Каждый шаг выверялся до миллиметра. Подошвы армейских ботинок осторожно опускались на бетонный пол, усыпанный строительным мусором и битым стеклом. Воздух здесь был густым, влажным и вонял так, словно мы оказались в желудке гигантского чудовища. Где-то в глубине цеха, среди остывших прокатных станков, Ткач продолжал свою вечную слепую охоту: *щелк, щелк, хлоп*. Звуки лопающегося попкорна эхом отражались от высоких сводов, заставляя нас вздрагивать при каждом шорохе.

Виктор шел впереди, плавно огибая толстые, свисающие с потолка канаты слизи. Он перешагнул через искореженную двутавровую балку и поставил ногу на, казалось бы, чистый участок пола. Но в этот самый момент, в тусклом свете Завесы, я заметил легкий, почти невидимый блик. Это была паутинка. Тончайшая, толщиной с рыболовную леску, абсолютно прозрачная нить, растянутая прямо над полом. Буров не заметил ее. Носок его тяжелого ботинка зацепил натянутую струну.

Реакция Ткача была поистине молниеносной. Тонкая нить мгновенно окрасилась в ядовито-желтый цвет, вспыхнув, словно оголенный нерв. С мокрым, хрустящим звуком она мгновенно утолщилась, обвивая лодыжку Виктора мертвой хваткой. Прежде чем майор успел хотя бы вскрикнуть, живой канат резко рванул его назад. Огромный, тяжелый мужчина рухнул на спину, выронив автомат, который с лязгом отлетел в сторону.

Ткач потащил Бурова по грязному бетону прямо в центр своей пульсирующей массы. Туда, где среди толстых, переплетенных жил уже начали формироваться вздутые мешки, наполненные едкой, шипящей кислотой. Эта тварь собиралась переварить его заживо. Буров отчаянно забил свободной ногой, пытаясь стряхнуть липкую дрянь, но хватка только усилилась. Его тащило прямо в пасть инопланетной бойни.

В последнюю секунду, проезжая спиной по строительному мусору, Виктор чудом успел вскинуть руку и намертво ухватиться за толстый, ржавый прут арматуры, торчавший из разрушенной несущей колонны. Рывок был такой силы, что мышцы на его шее вздулись буграми,

а пальцы в кожаных перчатках побелели от напряжения. Живая лебедка Ткача продолжала тянуть, сжимая ногу майора как в тисках.

— Кинг! Сэм! — заорал Буров дурным, срывающимся голосом, его лицо побагровело от невероятного усилия. — Рубите эту дрянь! Она мне сейчас ногу оторвет вместе с суставом! Я долго не продержусь! Арматура под его пальцами предательски заскрипела, осыпая ржавчину ему на лицо. Еще секунда, и металл просто не выдержит, или же кости майора с хрустом покинут суставную сумку.

У Сэма сдали нервы. Забыв о правилах маскировки и экономии патронов, американец вскинул свою штурмовую винтовку и открыл шквальный огонь по натянутому канату. Гильзы звонко посыпались на бетон. — *Motherfucker! Let him go, you piece of alien shit!* — истошно орал бывший морпех на чистом английском, всаживая пулю за пулей в пульсирующую массу. Но свинец просто прошивал липкую плоть насквозь, оставляя небольшие отверстия, которые мгновенно затягивались желтой слизью. Это не работало.

Я действовал исключительно на инстинктах. Автомат повис на ремне. Левой рукой я сорвал с разгрузки зажигалку-Zippo, звонко откинул крышку и чиркнул колесиком. Искра поймала пропитанный бензином кусок тряпки, торчащий из горлышка бутылки. Фитиль ярко вспыхнул. Я сделал короткий замах, целясь не в саму нить, а туда, откуда она росла — в толстое, мерзко шевелящееся сплетение желтых труб возле стены.

Бутылка описала короткую дугу в фиолетовом полумраке цеха и с хрустальным звоном разбилась о бетон прямо в центре клубка. Смесь бензина и солярки мгновенно разлетелась во все стороны. В следующую долю секунды тьму разорвал ослепительный, ревуший шар оранжевого пламени. Тяжелое топливо намертво прилипло к плоти Ткача, заставляя её гореть яростно и жадно.

То, что произошло дальше, едва не лишило нас рассудка. Хлюпанье мгновенно прекратилось. Вместо него на нас обрушился звук такой чудовищной частоты, что кровь едва не брызнула из ушей. Это был пронзительный, визгливый ультразвуковой вопль сгорающей заживо нервной системы. Мы с Сэмом бросили оружие и инстинктивно рухнули на колени, изо всех сил зажимая уши ладонями и открыв рты, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

Объятая огнем сеть судорожно дернулась, сократилась и, словно отдернув обожженную руку, мгновенно ослабила хватку. Толстый канат разжался. Буров, чьи силы были на исходе, отпустил арматуру и с тяжелым стуком рухнул спиной на груды битого кирпича, тяжело, со свистом втягивая воздух в легкие. Огненный шторм в десяти метрах от нас продолжал пожирать инопланетную биомассу, освещая цех адским, дергающимся светом.

Как только ультразвуковой визг перешел в глухое шипение плавящейся слизи, мы с Сэмом кинулись к майору. Буров лежал на спине, раскинув руки, его грудь ходила ходуном. Левая штанина на лодыжке была прожжена кислотой и покрыта желтой слизью, но нога была цела. Я схватил его за плечо, потряс, ожидая стонов боли или крепкого русского мата.

Майор медленно открыл глаза, посмотрел на нас с Сэмом, моргнул, стряхивая бетонную пыль с ресниц, и вдруг выдал совершенно ровным, идеальным тоном, без малейшего намека на свой тяжелый русский акцент: — *Holy shit, boys... I almost shit myself.* Секунду мы с американцем в шоке смотрели на Бурова, переваривая эту безупречную английскую фразу из уст сурового русского офицера. А затем напряжение, копившееся в нас все эти дни, прорвало плотину. Сэм хрюкнул, схватился за живот и заржал. Я сполз по стене рядом с Буровым, и из моей груди вырвался абсолютно дикий, неконтролируемый хохот. Майор посмотрел на нас, его суровое лицо дрогнуло, и он тоже затрясся от глубокого, раскатистого смеха.

Мы сидели в разрушенном цеху, в нескольких метрах от горящего инопланетного монстра, окруженные смертью, и ржали как сумасшедшие, вытирая выступающие на глазах слезы. Эхо нашего истеричного смеха летело под самые своды завода, заглушая треск огня. Мы были живы. И у нас еще была работа.

Часть 6: Эхо снаружи и путь к бронедвери

Наш истеричный, животный хохот всё еще метался под высокими сводами третьего прокатного цеха, многократно отражаясь от остывших печей и ржавых металлических конструкций. Мы сидели на грязном бетоне, среди битого кирпича и строительного мусора, не в силах остановиться. Адреналиновый отходняк накрыл нас с головой. Огненный шар в десяти метрах от нас постепенно опадал, превращая толстые пульсирующие канаты Ткача в черную, дурно пахнущую, пузырящуюся жижу. Запах сгоревшей инопланетной плоти был омерзителен — смесь паленой резины, тухлых яиц и жженого сахара, — но для нас в эту секунду он был слаще лучших французских духов. Это был запах нашей победы над смертью.

Внезапно сквозь треск догорающего бензина и наш непрекращающийся смех прорвался резкий, полный неподдельной тревоги голос, раздавшийся из портативной радиации, пристегнутой к разгрузке Сэма. Динамик сухо щелкнул, выдав порцию белого шума, а затем завопил так громко, что мы невольно вздрогнули. — Сэм! Кинг! Майор! Ответьте, мать вашу! — голос Рауля срывался на фальцет, пропитанный паникой. — Вы там живы?! Прием! У нас тут снаружи локальный конец света! Что у вас происходит?! Прием!

Сэм, всё еще содрогаясь от приступов смеха и вытирая грязной перчаткой слезы, выступившие в уголках глаз, нащупал тангенту на плече. Бывший морпех нажал кнопку, попытался сделать серьезное лицо, но вместо нормального доклада выдал лишь сдавленный хрип, переходящий в очередное хрюканье. — Рауль... хррр... амиго... — Сэм задышался, привалившись плечом к бетонной колонне. — Мы тут... мы тут, сука, чуть не сдохли только что! И, не выдержав, американец снова покотился со смеху, глядя на то, как Виктор Буров, суровый русский майор, всё еще сидит на полу с оторванной штаниной и глупо, счастливо улыбается во все тридцать два зуба.

На том конце эфира повисла тяжелая, озадаченная пауза. Рауль, сидевший сейчас за рулем УАЗика на морозе, явно пытался переварить услышанное. Из динамика доносилось лишь наше дружное, раскатистое ржание, многократно усиленное эхом пустого завода. — Вы там что, обкурились этой инопланетной дрянью? — наконец выдала рация возмущенным голосом мексиканца. — Вы что, придурки?! Какого хера вы там ржете?! Мы тут с Колей чуть не посидели! Делом займитесь, идиоты!

Но, несмотря на гневную тираду, мы отчетливо услышали, как голос Рауля дрогнул, и сквозь радиопомехи прорвался его собственный, облегченный смешок. Поняв, что мы живы и даже в состоянии смеяться, напряжение отпустило и его. — Клянусь Девой Марией, я не знаю, что вы там внизу сделали, — продолжал Рауль, уже откровенно посмеиваясь вместе с нами в эфир, — но эта огромная желтая хреновенькая на трубах вдруг затряслась, как эпилептик на дискотеке! Вся эта паутина ходуном заходила! А потом она издала такой высокочастотный визг... Парни, я вам клянусь, звук был настолько мерзкий и жуткий, что можно было просто прямо в штаны обоссаться! У меня до сих пор зубы ноют. Коля вон вообще за пулемет схватился с перепугу. Больше так не делайте, прием!

— Принято, Рауль. Конец связи, — хрипло выдал Буров, перехватывая рацию у Сэма.

Майор сделал глубокий вдох, стирая с лица остатки истеричной улыбки, и тяжело поднялся на ноги. Смех постепенно сошел на нет, уступая место суровой реальности. Виктор отряхнул уцелевшую штанину, поморщился, проверяя растянутые связки на левой ноге, и крепко выругался сквозь зубы. Инопланетная кислота успела прожечь ткань и оставить на его коже уродливый, красный химический ожог, но до кости не добралась. Жить будет. Ходить — тоже, хоть и прихрамывая.

— Всё, бойцы. Концерт окончен, антракт завершен, — голос Виктора снова обрел сталь и командирские нотки. — Заряжаем оружие. Собираем сопля в кулак и двигаем дальше. Там люди задыхаются, пока мы тут стендап устраиваем.

Я молча кивнул, подбирая свой автомат с грязного пола. Сэм, уже абсолютно серьезный и собранный, лягнул затвором, досылая патрон в патронник штурмовой винтовки. Мы обернулись к центру цеха. Наш «коктейль Молотова» сделал свое дело. Огонь выжег солидную просеку в живом ковре Ткача. Желто-фиолетовая плоть съежилась, отступив к стенам и оставив после себя обугленную, дымящуюся проплешину прямо по курсу нашего движения. Путь к убежищу был относительно свободен.

Мы двинулись вперед, ступая по горячему, хрустящему от пепла бетону. Подошвы ботинок прилипали к остаткам сгоревшей слизи. Ткач больше не пытался нас атаковать — он, казалось, втянулся в себя, зализывая раны и боясь нового источника огня. Нити на стенах лишь слабо, судорожно подергивались, когда мы проходили мимо, но держались на безопасном расстоянии.

Вскоре мы оказались перед целью. Огромные, двухстворчатые гермодвери бункера гражданской обороны, выкрашенные в облупившийся суриково-красный цвет, возвышались перед нами как ворота в другой мир. Они были сделаны из толстейшей легированной стали, способной выдержать прямой удар авиабомбы. На правой створке виднелся массивный штурвал запирающего механизма.

Но была одна серьезная проблема. Весь периметр дверей, все щели и даже сам стальной штурвал были наглухо затянуты невероятно плотным, серым коконом из паутины Ткача. Эта часть биомассы не была похожа на тонкие нити-сенсоры, с которыми мы столкнулись ранее. Это была застывшая, окаменевшая органика, по прочности напоминающая кевлар или эпоксидную смолу. Ткач буквально запечатал людей внутри, перекрыв им кислород. И огнеметы здесь применять было нельзя — мы бы просто запекли выживших заживо внутри этой стальной духовки.

Буров подошел вплотную к запечатанной двери, провел рукой в перчатке по твердому, как камень, серому наросту и мрачно посмотрел на нас. — Приехали. Стучать бесполезно, — констатировал майор. — Нам нужно вскрыть эту скорлупу, не поджарив тех, кто по ту сторону. Идеи, инженеры?

Часть 7: Вскрытие консервной банки и слезы под пеплом

Мы потеряли около сорока минут, пытаясь решить проблему «в лоб». Сначала мы обшарили соседние подсобки в поисках какой-нибудь едкой промышленной химии. Нашли бочку с мощным растворителем, щедро полили им окаменевший кокон Ткача, но результат был нулевым — жидкость лишь зловонно зашипела, выпустив облако аммиачного пара, и стекла на пол, не оставив на инопланетном панцире ни царапины. Затем в ход пошла взрывчатка. Сэм установил на запирающий штурвал направленный заряд С-4 размером со спичечный коробок. Раздался оглушительный хлопок, цех заволокло пылью, но этот локальный подрыв лишь слегка опалил серую корку. Ткач вдалеке нервно задергался, а мы поняли, что мощный взрыв просто превратит людей внутри бункера в фарш от контузии.

Когда стандартные методы исчерпали себя, в наши уставшие головы пришла настоящая авантюра — безумная и отчаянная. Если мы не можем сломать дверь, пусть этот инопланетный ублюдок сам сделает всю грязную работу. Оглядев заваленный мусором цех, мы заметили тяжелую промышленную лебедку, снятую с мостового крана, и старый, покрытый слоем мазута сварочный аппарат. План созрел мгновенно: подманить огромный кусок Ткача прямо к стальным петлям гермодвери, заставив его сработать как гигантский кислотный резак.

Мы засучили рукава. Притащить тяжелое оборудование по битому кирпичу стоило нам немало пота. Пока я заводил портативный бензогенератор, Сэм и Виктор взялись за электроды. В фиолетовом полумраке цеха заплескали ослепительно-белые искры — мы намертво приварили станину лебедки к толстому стальному двутавру, торчащему из пола прямо напротив бункера. Затем мы размотали толстые стальные тросы в палец толщиной и накинули их на массивные петли запечатанной двери.

Но Ткач был слеп, ему нужна была приманка. Чтобы заставить его атаковать именно петли, мы соорудили из найденного тут же промышленного компрессора и кусков арматуры вибрирующий маяк. Мы намертво примотали этот импровизированный вибратор к тросам и дверной раме. Всё было готово. Мы взяли свободные, тяжелые концы тросов, размахнулись и швырнули их прямо в ближайшее скопление пульсирующей желтой плоти Ткача.

— Давай! — рявкнул Буров, и я повернул рубильник генератора на максимум.

Компрессор взревел, наполняя цех диким, зубодробительным жужжанием. Стальные тросы затряслись, забили по бетону, лебедка натужно заскрежетала, выбирая слабинку. Реакция Ткача превзошла все наши ожидания. Глухая вибрация и лязг сработали для него как красная тряпка для быка. Из тьмы молниеносно выстрелили десятки толстых, гнилостно-желтых канатов. Они жадно вцепились в дергающиеся тросы и поползли прямо к источнику шума — к петлям гермодвери.

Чем сильнее жужжал компрессор и натягивалась лебедка, тем яростнее монстр впивался в металл. Ткач облепил дверные шарниры плотным пульсирующим комком и, пытаясь переварить «добычу», начал обильно заливать их своей шипящей, концентрированной кислотой. Цех наполнился густым, едким дымом. Толстая легированная сталь петель начала плавиться и пузыриться прямо на глазах, словно дешевый пластик.

Стены третьего прокатного цеха затряслись от невероятного напряжения. Лебедка тянула тросы на себя с силой в несколько тонн, а гигантская масса Ткача, сокращаясь, тянула дверь в противоположную сторону. Раздался оглушительный, леденящий душу металлический скрежет. Искореженный кислотой металл застонал. И в какой-то миг гермодверь, которая весила хрен знает сколько тонн, не выдержала.

С пушечным грохотом, разорвавшим барабанные перепонки, стальные петли лопнули. Гигантская бронированная плита сорвалась со своего места и, подброшенная натяжением тросов и силой инопланетных мышц, отлетела прямо в основную массу Ткача. Монстр мгновенно среагировал: он охватил рухнувшую на него стальную глыбу всеми доступными щупальцами, облепил ее со всех сторон и начал с чавканьем, жадно поглощать, полностью переключив на нее свое внимание.

Удар многотонной двери об пол поднял в воздух такое чудовищное количество многолетней цементной пыли, ржавчины и пепла, что видимость мгновенно упала до нуля. Мы инстинктивно рухнули на бетон, закрывая головы руками. Пыль забивала нос и горло, мы задыхались и кашляли, не видя в этой непроглядной серой пелене даже собственных рук, вытянутых вперед. Мы просто лежали и ждали.

Спустя несколько бесконечных минут тяжелая пыль начала медленно, словно нехотя, оседать. Сквозь грязное облако проступил темный, зияющий прямоугольник вскрытого бункера. Мы затаили дыхание. И вдруг из этой абсолютной черноты, прямо на край бетонного порога, аккуратно вышла маленькая фигурка.

Это была девочка лет пяти. Ее лицо было перемазано машинным маслом и сажей, но на этом темном фоне невероятно ярко горели огромные, распахнутые голубые-голубые глаза. Она стояла в клубах оседающей пыли, растерянно моргая, а ее крошечные пальчики изо всех сил, до побеления костяшек, сжимали старого, грязного плюшевого зайца с почти полностью оторванным левым ухом.

Оружие само выпало из рук Виктора Букова и со звоном ударилось о бетон. Суровый майор, человек-скала, прошедший ад СГ-3, сорвался с места с такой молниеносной скоростью, что я даже не успел моргнуть. Он подлетел к девочке, упал перед ней на колени прямо в грязное крошево и бережно, словно она была сделана из тончайшего стекла, схватил ее на руки.

Он прижал малышку к своей широкой груди, уткнувшись лицом в ее пыльные волосы. — Как ты... как ты, дочка? — его голос дрогнул, сломался, и плечи майора судорожно затряслись. Железный Буров плакал. Слезы абсолютно чистого, неподдельного счастья текли по его гряз-

ным щекам, прокладывая светлые дорожки в копоти. Девочка обняла его за шею свободной ручкой, прижав к его плечу своего одноухого зайца.

Следом за ней из темноты бункера, щурясь от света, медленно, спотыкаясь и поддерживая друг друга, начали выходить остальные люди. Изможденные, бледные, но живые.

Я стоял, чувствуя, как в горле застрял огромный, колючий ком. Я перевел взгляд на Сэма. Американский морпех, прошедший Ирак и переживший падение Нью-Йорка, стоял, опустив автомат стволом вниз. По его щекам катились крупные, блестящие слезы. Он шмыгнул носом, посмотрел на меня своими мокрыми глазами и шлепнул грязной перчаткой по лицу.

— Господи, Джон, ты только посмотри на нас, — хрипло, срывающимся голосом произнес Сэм. — За какие-то жалкие пару часов мы превратились в кучку сопливых девчонок, которые только и могут, что реветь.

Сэм издал короткий, влажный смешок. Я посмотрел на него, на плачущего от радости Бурова с ребенком на руках, на выходящих из ада людей, и тоже прослезился. Мы засмеялись вместе с ним — искренне, сквозь слезы, стоя по колено в пепле разрушенного мира. Наш караван только что пополнился первыми спасенными душами. И этот путь определенно стоил того.

Глава 2: Стальной ковчег

Часть 1: Тихий отход и тепло очага

Эмоциональная разрядка длилась всего несколько секунд. Как только слёзы радости высохли на грязных щеках, инстинкты выживания снова взяли управление на себя. Из-за спин спасённых людей, осторожно переступая через искореженный порог бункера, показался коренастый, седой мужчина в засаленной синей спецовке. Это был тот самый диспетчер, с которым мы говорили по рации. Он нервно оглянулся на колоссальную желтую гору плоти Ткача, которая с омерзительным, влажным чавканьем и шипением кислоты прямо сейчас растворяла и пожирала многотонную гермодверь. Инопланетный монстр был полностью поглощен своей исполинской трапезой, но мы все понимали — это ненадолго.

— Майор, слушай сюда, — диспетчер схватил Бурова за рукав бушлата, его глаза лихорадочно блестели. — У нас максимум минут пятнадцать, ну двадцать, пока эта тварь не сожрет сталь и не поймет, что мы ушли. В бункере остались запасы. Много запасов! Мы стаскивали туда всё с заводских складов ещё до того, как эта паутина перекрыла выходы. Вода, консервы, армейские аптечки! Нам нельзя уходить пустыми, иначе эти люди просто сдохнут от голода на трассе!

Виктор мгновенно оценил ситуацию. Он отпустил маленькую девочку с плюшевым зайцем, передав её в руки бледной, изможденной женщины, видимо, её матери, и выхватил рацию. — Рауль, Коля, это Буров! Прием! — голос майора звучал хлестко, как выстрел. — У нас джекпот. Двадцать гражданских, из них восемь детей. Плюс гора провизии. Нам срочно нужна база для перевалочного пункта! Тепло и безопасная крыша над головой в радиусе километра от завода. Ищите что угодно — турбазу, особняк, коттедж. Эти люди истощены, они не выживут на морозе в открытом кузове. Выполнять!

Динамик сухо треснул, и сквозь статику прорвался сосредоточенный голос мексиканца: — Принял, босс! Тут в километре выше по трассе, на отшибе, я видел какой-то крутой кирпичный особняк за высоким забором. Видимо, местного начальства. Выдвигаемся с Колей на зачистку и прогрев. Дайте нам десять минут. Ждем вас там. Конец связи.

Мы развернулись к бункеру. Сэм, забыв про усталость, первым нырнул в спасительную темноту убежища. Следующие пятнадцать минут превратились в безумный, потный, адреналиновый конвейер. Мы таскали тяжеленные зеленые армейские ящики с сухпайками, картонные коробки с тушенкой, сгущенкой, крупами и массивные оранжевые аптечки АИ-4. Мы выстраивали живую цепь, передавая груз из рук в руки, стараясь не издавать ни звука. Ткач в тридцати

метрах от нас продолжал скрежетать и хлопать, переваривая легированную сталь, и каждое неосторожное падение ящика могло стоить нам всем жизни.

Эвакуация шла по жестким военным правилам: первыми мы отправили наверх, по скользкому кирпичному тоннелю рухнувшей трубы, детей. Я помогал им карабкаться по обломкам, подсаживая каждого, пока Сэм принимал их наверху. Затем пошли женщины, таща на себе самые легкие сумки с медикаментами. Следом — остальные мужчины, груженные так, что у них трещали позвоночники. Мы с Буровым замыкали колонну, неся два гигантских ящика с питьевой водой и оглядываясь на пульсирующую желтую бездну цеха. Когда мы выбрались на морозный арктический воздух, легкие обожгло холодом, но это был запах свободы.

Тем временем Рауль и Коля не теряли ни секунды. УАЗик, взревев своим старым, но невероятно тяговитым дизельным мотором, с разгону ударил кенгурятником в кованые железные ворота богатого кирпичного особняка, стоящего на опушке леса недалеко от комбината. Металл жалобно лязгнул, петли вырвало с мясом, и тяжелые створки рухнули в снег. Коля первым влетел в дом с автоматом наперевес, проверяя комнаты на наличие адаптантов. Чисто. Владельцы, судя по всему, сбежали в первые же часы катастрофы.

В центре огромной, роскошной гостиной стояла массивная кирпичная печь-камин. Коля, не жалея элитной мебели, топором расхреначил пару дорогих дубовых стульев и журнальный столик, щедро плеснул бензина и бросил спичку. Огонь радостно загудел в дымоходе. К моменту, когда наша измученная, перепачканная сажей процессия добралась до особняка, внутри уже начало разливаться спасительное тепло.

Мы заводили людей внутрь, рассаживая их прямо на коврах у разгорающегося камина. Дети жались к огню, вытягивая посиневшие от холода руки. Следом мы начали заносить спасенную провизию. Когда все коробки и ящики были составлены в углу гостиной, мы с парнями просто остоленели. Диспетчер не преувеличивал. Перед нами лежала настоящая гора еды: десятки банок отборной говяжьей тушенки, брикеты с галетами, шоколад, сгущенное молоко, несколько ящиков с антибиотиками, бинтами, обезболивающими и даже пара бутылок дорогого коньяка, припрятанных хитрыми заводчанами. С таким арсеналом наш зарождающийся караван мог ехать до самой Москвы, не зная нужды.

И тут Коля, который отправился осматривать задний двор особняка, влетел в гостиную с глазами по пять копеек. — Товарищ майор! Парни! — закричал молодой солдат, срывая с головы шапку. — Там баня! Настоящая, бревенчатая баня на дровах! А рядом колодец не замерзший! Я уже дров наколот, печку затопил, камни греются! Воды натаскал!

Слово «баня» прозвучало в тишине комнаты как заклинание. Мы переглянулись. Месяцы в грязи, крови адаптантов, поте и инопланетном пепле. Мы забыли, каково это — чувствовать себя чистыми людьми. Буров моментально принял решение.

— Устанавливаем жесткий караул, — скомандовал Виктор. — Дежури́м по двое на периметре с пулеметом и огнеметами. Остальные моются. Первыми идем мы — боевая группа. Нам нужно смыть с себя эту кислотную дрянь и пыль Ткача, чтобы не заразить гражданских. Даю по пятнадцать минут на брата. Затем — женщины и дети. Мужики с завода моются последними. Возражения есть? Возражений не было. Диспетчер только благодарно кивнул.

Это было не просто мытье. Это был настоящий ритуал экзорцизма. Мы по очереди заходили в жаркую, пахнущую нагретым деревом и березовыми вениками парилку. Я стянул с себя жесткий, стоящий колом от засохшей грязи бушлат, скинул термобелье. Горячая вода из деревянного ушата обжигала кожу, покрытую царапинами и синяками, смывая серый пепел Завесы, желтую слизь и черную копоть. Мы терли себя грубыми мочалками так, словно хотели содрать старую кожу и родиться заново. Сэм, сидя на деревянном полке, поливал себя кипятком и стонал от первобытного удовольствия, смывая кровь Нью-Йорка и пыль Карелии. Буров долго и тщательно промывал свой кислотный ожог на ноге, забинтовывая его чистой марлей из новых запасов.

Когда наша пятерка закончила, переодевшись во всё чистое, что удалось найти в шкафах богатого дома, мы заступили на посты вокруг особняка, сжимая в руках оружие. Теперь в баню пошли женщины и дети. Сквозь морозный воздух мы слышали, как плещется вода и как, впервые за много недель, кто-то из детей тихо, несмело засмеялся.

Я стоял у разбитых ворот, опираясь на капот остывающего УАЗика, и смотрел на фиолетовое небо. Мы спасли этих людей. Мы вырвали их из пасти живого кошмара. В животе приятно грела горячая тушенка, а тело дышало чистотой. Но я понимал главное: самое сложное только начинается. У нас есть двадцать три человека, куча припасов и всего две машины. Нам нужен был настоящий, тяжелый транспорт. Стальной ковчег, способный пробить лед и биомассу на пути в тысячу миль.

Часть 2: Проблема логистики и «штаны майора»

Эта ночь стала первым настоящим подарком от судьбы с момента начала Адаптации. Внутри огромного кирпичного особняка наконец-то установилось то самое забытое, уютное тепло, от которого клонило в сон сильнее, чем от самогона. Печь-камин в центре гостиной мерно гудела, пожирая обломки дорогой мебели. Восемь детей, чистые и накормленные ступенкой с галетами, мирно спали вповалку на огромном ковре прямо перед огнем, накрывшись найденными в шкафах пушистыми пледами. Взрослые разбрелись по просторным спальням на втором этаже, и вскоре по дому поплыло тяжелое, сопение изможденных людей, которые впервые за долгое время почувствовали себя в безопасности.

Мы все переоделись в гражданское. Я нашел в гардеробе чей-то дорогой свитер крупной вязки и поношенные, но крепкие джинсы. На мгновение, если закрыть глаза и слушать только треск дров в камине, казалось, что всего этого кошмара за окном не существует. Что нет никакой Завесы, нет Роя, и мы просто приехали в гости к друзьям. Но реальность умела о себе напоминать. Стоило только выйти на балкон или приоткрыть окно, как ледяной ветер доносил со стороны завода отчетливое, сухое *щелк-щелк-хлюп*. Ткач на трубах продолжал свою работу, и этот звук вгрызался в мозг, не давая забыть, что мы — лишь случайные гости в мире, который нам больше не принадлежит.

Мы менялись на карауле строго каждые два часа. Благодаря этому к утру каждый из нашей пятерки умудрился по-настоящему выспаться. Пока мы дежурили и отдыхали, спасенные женщины не сидели сложа руки. Они устроили в прачечной на цокольном этаже целую фабрику по восстановлению нашего снаряжения. Нашу пропитанную соляжкой и гарью форму постирали, высушили и, что самое главное, заштопали.

Утром, когда мы спустились на завтрак, на спинках кресел нас ждала аккуратно сложенная одежда. Больше всего досталось штанам Бурова. Та самая штанина, которую Ткач едва не оторвал вместе с ногой, была пришита намертво, но материала в цвет не нашлось. В итоге на самом видном месте — прямо на бедре и сзади — красовалась огромная заплатка из яркосиней ткани, кажется, от чьей-то спортивной олимпийки. — Ну что, Виктор Николаевич, — Рауль первым не выдержал и прыснул, глядя на сурового майора, примеряющего обновку. — Теперь вы у нас не просто спецназ, а командир с изюминкой. Эта заплатка на жопе другого цвета — ваш новый тактический знак отличия. Враг умрет от смеха раньше, чем вы вскинете автомат. Буров только мрачно хмыкнул, проверяя прочность шва, но мы видели, как в уголках его глаз промелькнула тень улыбки. В этом мире даже такая мелочь, как заплатка, была признаком того, что мы еще люди.

Но время шуток закончилось, как только мы собрались за массивным дубовым столом в столовой, который теперь служил нам штабом. Перед нами стояла главная логистическая проблема. — Нас двадцать три человека, — Буров ткнул пальцем в карту. — У нас есть КамАЗ и УАЗ. В КамАЗе всё забито ящиками с БК и едой, а в УАЗик мы всех детей не впишем. Вести людей на броне или в открытом кузове — значит привезти в Петрозаводск двадцать ледяных трупов. Нам нужен автобус. Или вахтовка. Что-то теплое, закрытое и проходимое.

Мы позвали в столовую Михалыча и еще двоих мужиков, которые работали на заводе водителями. — Мужики, — я посмотрел на них. — Где у вас тут автопарк? Нам нужна машина, которая потянет тридцать человек и не заглохнет в первом же сугробе. Желательно на полном приводе. Михалыч поскреб небритый подбородок, его глаза сощурились, вспоминая план промзоны. — Есть такое место, — медленно произнес он. — В транспортном цехе, это за вторым прокатным, стояли две «вахтовки» на базе Урала. Их только в прошлом году закупили для смен. Там кунги утепленные, автономные печки стоят, сиденья мягкие. Плюс, там же должен быть ПАЗик-вездеход, «Некст» на больших колесах. Если Ткач до них не добрался, это наш лучший вариант.

— Ткач туда не полезет, там открытая площадка, цепляться не за что, — добавил второй водитель. — Но есть проблема. Морозы стояли под сорок. Солярка в баках там летняя, сто процентов. Она уже не просто застыла, она в парафин превратилась. Завести их без прогрева и химии не получится.

Виктор посмотрел на меня и Рауля. — Кинг, Рауль, это по вашей части. Берете УАЗик, мужики покажут дорогу. Ваша задача — найти транспорт и любой ценой пригнать его сюда. Мы с Сэмом и Колей остаемся охранять дом и готовить людей к погрузке. Если найдете «Урал» — берите его, он надежнее. — Понял, босс, — Рауль уже накидывал куртку и проверял ключи в карманах. — Сделаем из этого «Урала» настоящий лимузин Апокалипсиса.

Я подхватил автомат и двинулся к выходу. На улице нас встретил серый, холодный рассвет. Завеса сегодня казалась особенно плотной. Мы запрыгнули в УАЗик, Михалыч сел назад, показывая направление. Мотор чихнул, выбросил облако дыма и потащил нас обратно в сторону комбината — туда, где среди ржавого железа ждал наш будущий «Стальной ковчег».

Часть 3: Ледяной дизель и четыре часа в промзоне

Наш дизельный УАЗик, тяжело рокоча и выбрасывая из выхлопной трубы сизый дым, медленно прогрызал колею в глубоком, нетронutom снегу транспортного цеха. В салоне было не продохнуть: я, Рауль, Михалыч и еще трое мужиков — Саня, Петрович и Димка — сидели плечом к плечу. Воздух был пропитан запахом старой солярки и холодного металла. Мужики сидели молча, сжимая в руках монтировки и тяжелые разводные ключи. Это было их единственное оружие, и по тому, как побелели их костяшки, я понимал: в бункер они больше не вернутся, они будут драться за свою жизнь до последнего.

Промзона встретила нас гробовой тишиной, от которой закладывало уши. На открытой площадке, занесенные снегом почти по лобовые стекла, стояли они — два мощных «Урала»-вахтовки с высокими кунгами, ПАЗик-вездеход «Некст» на огромных грязевых колесах и наше главное сокровище — трехосный КамАЗ-бензовоз. Михалыч, едва выскочив из УАЗа, сразу бросился к цистерне, постучал по борту и довольно крикнул: — Полная, мужики! Клянусь, она полная под завязку! Здесь «арктика», если повезет. Если заведем — до самой Москвы будем катить как короли.

Но завести эту замерзшую сталь оказалось задачей из разряда невыполнимых. Температура ночью упала так низко, что дизельное топливо в баках превратилось в густой, непрозрачный парафин. Мы первым делом рванули в бытовку механиков. Внутри всё замерло на дате начала катастрофы: кружки с недопитым чаем, чертежи на столах. Петрович обнаружил массивный оружейный сейф за фанерной перегородкой. Пара ударов тяжелой монтировкой, хруст металла — и дверца с лязгом распахнулась. Внутри стояли пять охотничьих ружей: две пятизарядки МР-155 и три классические вертикалки. Там же, на полках, теснились коробки с патронами — картечь, дробь, тяжелые пули «Полева». Я быстро раздал ружья мужикам, и они тут же начали азартно набивать магазины, чувствуя в руках настоящую силу.

В углу бытовки нашлись пять старых, закопченных паяльных ламп. Это был наш единственный шанс. Мы вывалились на мороз, и начались бесконечные, изнурительные четыре часа борьбы с ледяным дизелем. Рауль матерился так виртуозно, что, казалось, снег вокруг него

должен был начать таять сам по себе. Мы раздували паяльные лампы до рева, подсовывали их под чугунные картеры двигателей, стараясь не подпалить резиновые шланги и проводку. Саня и Димка развели костер из обломков деревянных поддонов прямо на снегу, грели на нем ведра с водой и поливали топливные фильтры, пытаясь пробить парафиновые пробки.

Прошел первый час. Мы все продрогли до костей, несмотря на огонь ламп. Пальцы не слушались, металл обжигал кожу даже через перчатки. Рауль, с лицом черным от копоти и инеем на бровях, лежал на спине под Уралом, направляя пламя лампы на топливную магистраль. — Кинг, мать твою, держи лампу ровнее! — орал он из-под машины. — Если сейчас не прогреем форсунки, эта груда железа так и останется тут памятником! Мы по очереди бегали греться в наш УАЗик, который мы не глушили ни на минуту, постоянно подгазовывая, чтобы его собственный дизель не встал на таком холоде.

Шел второй час, затем третий. Мы были похожи на чертей в этом сером дыму и пламени ламп. Воздух над площадкой дрожал от жара, но соларка в баках огромных машин сопротивлялась, оставаясь густой массой. Мы проливали кипятком аппаратуру, чистили свечи накала, Рауль вручную качал топливо, обливаясь ледяной соларкой. И вот, когда пошел четвертый час нашего добровольного заточения в промзоне, Рауль вылез из-под «Урала», вытер грязные руки о снег и скомандовал: — Пробуем! Саня, прыскай «быстрый старт» прямо в воздухопровод!

Дизель «Урала» натужно крикнул. Стартер крутил тяжело, с надрывным воем. Раз, другой. Из выхлопной трубы вылетело облако сизого, вонючего дыма. И вдруг, с характерным металлическим рыком, от которого содрогнулась вся площадка, многотонный грузовик ожил. Глухое, уверенное ворчание восьми цилиндров перекрыло свист ветра. Следом, один за другим, после долгих мучений с эфиром и прогревом, задымили ПАЗик и КамАЗ-бензовоз.

Но этот шум и запах тепла стали сигналом для тех, кто затаился в тенях цехов. — Внимание! Движение слева! — заорал Димка, вскидывая пятизарядку. Из-за угла склада, неуклюже переставляя вывернутые конечности, вывалилась целая толпа адаптантов — штук двадцать, не меньше. Они не бежали, они неслись к нам с какой-то механической скоростью, издавая утробное шипение. Рой почуял вибрацию работающих моторов.

— Мужики, к бою! Огонь! — скомандовал я, вскидывая автомат. Петрович и Саня в упор разрядили двухстволки по первой волне тварей. Грохот двенадцатого калибра в замкнутом пространстве между ангарами прозвучал как канонада. Снопы крупной картечи буквально перемалывали бледную плоть адаптантов, отбрасывая их назад и размазывая по серому снегу. Димка азартно палил из своей МР-155, всаживая патрон за патроном в дергающиеся фигуры. Охотничьи ружья в руках рабочих оказались невероятно эффективными — останавливающая сила пули 12 калибра заставляла тварей разлетаться в клочья.

— Всё, мужики, валим! В кабины! — перекикивая грохот моторов и выстрелов, орал я. Техника, окутанная клубами дыма от четырехчасового прогрева, медленно начала движение, пробивая снежные перемыты. Мы отходили, огрызаясь огнем из окон кабин. Михалыч запрыгнул в бензовоз, Рауль и Саня — в «Уралы», Димка и Петрович запрыгнули в ПАЗик и я один в УАЗик замыкая колону. Последним выстрелом Петрович снес голову адаптанту, который уже вцепился в зеркало вахтовки.

Наш малый караван, изрыгая черный дым и лязгая коробками передач, прорвался сквозь цепь тварей и вылетел на главную дорогу к особняку. Позади, в зеркалах, я видел десятки серых фигур, которые остались на пустой стоянке, провожая нас злобным шипением. У нас было золото этого мира — топливо. У нас был транспорт для всех двадцати трех человек. И, что самое важное, у нас были мужики, которые только что почувствовали вкус первой победы и поняли, что они больше не жертвы. Мы возвращались домой, чтобы начать настоящий марш на Москву.

Часть 4: Стальной ковчег

Когда наш разношерстный караван — два ревуших «Урала», ПАЗик-вездеход и тяжелый бензовоз — ввалился во двор особняка под прикрытием дизельного УАЗика, Буров и Сэм уже ждали на крыльце. Увидев эту колонну, затянутую сизым дизельным дымом, майор лишь одобрительно кивнул. Но отдыхать было некогда. Мы понимали: Ткач на заводе скоро закончит с дверью, и если мы не уйдем в ближайшие пару часов, он пойдет по нашему следу, ориентируясь на тепло работающих моторов.

— Так, мужики, слушай задачу! — Буров перекрывал голосом рокот дизелей. — У нас есть транспорт, есть топливо и есть люди. Теперь нам нужно сделать так, чтобы по дороге нас не вскрыли, как консервную банку. Рауль, ты старший по технической части. Кинг, ты на подхвате. У нас есть два часа на то, чтобы превратить эти гражданские машины в крепости на колесах.

Вместе с провизией из бункера мужики умудрились прихватить бесценную вещь — мощную промышленную газовую горелку с несколькими полными баллонами пропана и ящик электродов для сварочного аппарата, который мы забрали еще в цеху. Это и стало нашим главным инструментом.

Рауль сразу взял в оборот ПАЗик-вездеход. — Сюда пойдут женщины и дети, — командовал он, размахивая горелкой. — Значит, здесь должна быть максимальная защита! Мы принялись за работу. Коля и двое заводских мужиков таскали из гаража особняка и соседних построек всё, что могло послужить броней: листы толстого металла, уголки и даже стальные спинки от старых кроватей. Под дикий вой газовой горелки и шипение сварки мы начали наваривать на окна ПАЗика импровизированные решетки. Стекла закрывали мелкоячеистой сеткой-рабицей, чтобы адаптанты не могли разбить их и вломиться внутрь, но при этом оставался хоть какой-то обзор.

Особое внимание уделили «Уралам». Их кунги сами по себе были крепкими, но Рауль решил усилить их. Мы наварили дополнительные стальные полосы на дверные петли и установили мощные засовы изнутри. На крыше каждой вахтовки соорудили небольшие «гнезда» из листов стали и мешков с песком, которые натаскали с участка — это были позиции для стрелков. Теперь Сэм и Коля могли вести огонь сверху, находясь в относительной безопасности.

Пока мы варили металл, остальные грузили провизию. Это был настоящий муравейник. Те самые двадцать три человека, которых мы спасли, работали на пределе сил. Мужчины таскали тяжелые ящики с тушенкой и крупами, аккуратно штабелируя их вдоль бортов «Уралов» — это создавало дополнительный слой защиты от пуль и когтей. Женщины переносили медикаменты и теплую одежду в ПАЗик, обустривая там спальные места для детей.

В один из «Уралов» загрузили ту самую промышленную газовую горелку и баллоны. — Это наше секретное оружие, — усмехнулся Рауль, закрепляя баллоны цепями. — Если эти твари облепят машину, мы устроим им филиал ада прямо на ходу.

Бензовоз тоже подвергся модернизации. Мы понимали, что это наша самая уязвимая и в то же время самая важная часть. Рауль приварил к кабине КамАЗа дополнительные листы железа, защищая радиатор и окна. По бокам цистерны мы закрепили стальные тросы и обрезки арматуры, превратив бензовоз в подобие ошестинившегося ежа, к которому было просто невозможно подступиться вплотную.

Буров лично проверял каждую машину. Он подошел к нашему дизельному УАЗику. — Это будет машина разведки, — сказал он. — Кинг, ты идешь первым. УАЗ легкий, маневренный, если что — проскочишь. За тобой «Уралы», в центре ПАЗик с людьми, бензовоз замыкает.

К полудню колонна была готова. Это уже не были просто грузовики с завода. Теперь это был ошестинившийся стволами охотничьих ружей и автоматов стальной кулак. На окнах — решетки, на бортах — наваренное железо, на крышах — боевые позиции. Мы выглядели как банда из безумного Макса, только вместо пустыни нас ждал ледяной ад Карелии.

Мужики из числа спасенных, те самые, что отбивались на заводе, теперь гордо сжимали свои охотничьи ружья, заняв позиции в кузовах и кабинах. В их глазах уже не было того парализующего страха — была холодная решимость. Мы смыли с себя грязь, мы набили желудки и, самое главное, мы создали свой стальной ковчег.

— По машинам! — раздалась команда Бурова, эхом отразившись от стен особняка. Моторы взревели в унисон, выбрасывая в морозный воздух клубы черного дыма. Мы выезжали на трассу. Впереди лежали сотни километров заснеженного шоссе, кишашего адаптантами, но теперь у нас были зубы. Тяжелые колеса «Уралов» подминали под себя наст, и наш стальной караван начал свой долгий путь на юг, оставляя позади горящие огни особняка и тени Мончегорска.

Часть 5: Радиоэфир призраков и Тень над трассой

Наш стальной караван, изрыгая густые клубы сизого дыма, медленно втянулся на обледенелую эстакаду южного выезда из Мончегорска. В кабине ПАЗика-вездехода стояла тяжелая тишина, нарушаемая только надрывным воем печки. За пять месяцев в этом аду мы с Сэмом научились понимать простые команды, но сейчас Михалыч, сидевший рядом со мной, буквально захлебывался словами в рацию, и по его лицу текли слезы, прокладывая дорожки в копоты.

— Виктор! Виктор! Слышишь меня?! — вопил он в гарнитуру. — «Железный пояс», Витя! Петрозаводск держится! Наши там! Слышишь? Армия!

Спустя мгновение рация в моей кабине щелкнула, и раздался голос Бурова. Его английский был тяжелым, как гусеницы танка: — *King, listen...* — его голос прервался. — *Mikhailych found hope. South, Petrozavodsk. Our army... they hold the line. It is not a myth. We go there. Now!*

Петрозаводск. Слово прозвучало как выстрел стартового пистолета. Михалыч повернулся ко мне, его лицо сияло. — Кинг, к своим! Домой! — крикнул он, и я понял его без перевода. Колонна рванула вперед, выходя на финишную прямую к выезду из города. Но город не хотел нас отпускать.

Оно вырвалось из-за руин автобазы с такой скоростью, что мир превратился в смазанное пятно. Это был **Танк-Адаптант** — колоссальный сгусток перекачанных мышц, ростом под три метра. Существо несло наперерез, как живой снаряд.

— *Contact! Front left!* — заорал я в рацию, но было поздно.

Тварь с оглушительным скрежетом врезалась в бок нашего ПАЗика. Удар был такой мощи, что многотонную машину подбросило. Металл обшивки лопнул, впуская внутрь ледяной ветер. ПАЗик занесло, правые колеса беспомощно зависли над обрывом кювета. В салоне начался ад: крики женщин, звон разбитого стекла.

Виктор, шедший впереди на КамАЗе, мгновенно ударил по тормозам и начал сдавать назад, чтобы прикрыть нас. В этот момент его огромный грузовик поравнялся с нашим искореженным бортом. Виктор повернул голову и в упор, сквозь разбитое боковое окно ПАЗика, увидел её.

Ту самую маленькую девочку из бункера. Она сидела, вжавшись в кресло, прижимая к себе одноухого зайца. Её огромные голубые глаза были распахнуты, и в них застыл такой запредельный, чистый ужас, какой человек не должен видеть никогда. Она смотрела прямо на монстра, чьи когти уже рвали сталь двери в десяти сантиметрах от её головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.